

О. В. Кулишова

СВЯЩЕННЫЕ ДАРЫ В ДЕЛЬФЫ: СОВРЕМЕННЫЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ РОЛИ И ЗНАЧЕНИЯ ПОСВЯЩЕНИЙ*

Заметное и прочное место в исследованиях Пьера Видаль-Накэ занимала дельфийская тема, в ее интерпретации французский историк продемонстрировал много новых подходов и неожиданных решений. Укажем лишь на один сюжет: «Дельфийская загадка, или О марафонском постаменте». Этот очерк, впервые увидевший свет в 1967 г., был включен автором в сборник «Черный охотник» (1981), один из лучших научных трудов признанного мэтра французской науки о древности, и широко известен теперь читателю в нашей стране по русскому переводу этого издания¹. Среди множества важных и интересных проблем, связанных с историей Дельфийского святилища и оракула, мы также, следуя за П. Видаль-Накэ, остановимся на теме посвящений, которая активно исследовалась в последние десятилетия на основе различных методологических подходов.

Священные дары в Дельфы известны нам как по описаниям античных авторов, так и по археологическим и эпиграфическим материалам. При этом обнаруженные археологами вотивные предметы по большей части часто не засвидетельствованы в дошедшей до нас античной традиции. Со своей стороны, красочно и подробно описанные древними писателями многочисленные посвящения Аполлону в Дельфы не находят отражения в археологическом материале. Тем не менее исследователям удалось отыскать немало примеров счастливого соответствия (в одних случаях бесспорного, в других – весьма сомнительного) дельфийских находок сохранившимся упоминаниям в литературе. Особенно впечатляющими подобного рода успехи выглядят, когда речь идет о наиболее знаменитых приношениях в Дельфийское святилище (например, о посвящении аргосцев – статуях Клеобиса и Битона).

Не умаляя значения результатов масштабных раскопок в Дельфах, особо укажем на ценность литературных свидетельств, которые часто содержат не только описание посвящений, но и указания на обстоятельства, при которых они были сделаны, их последующую судьбу, имя жертвователя и т.д. Заметим все же, что характер этих упоминаний весьма различен; в целом, хотя сообщения о посвящениях в Дельфы в античной литературной традиции и многочисленны, но в основном делаются по случаю и носят отрывочный характер. Наиболее пространные и значимые указания мы встречаем у Геродота, в труде которого, как известно, Дельфы занимают особое место. В качестве очевидного примера назовем подробное описание Геродотом посвящений в Дельфы, сде-

* Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект 08-06-00391-а «Системный анализ и методы исследования античных религий (опыт базы данных)». Ряд положений данной статьи нашли отражение в докладе, прочитанном автором на Международной конференции «Античность и современность» (Москва, 25–27 сентября 2007 г.), посвященной памяти двух выдающихся французских историков – Жан-Пьера Вернана и Пьера Видаль-Накэ.

¹ Видаль-Накэ П. Черный охотник. Формы мышления и формы общества в греческом мире. М., 2001.

ланных лидийским правителем Крезом или самими эллинами после Греко-персидских войн. Множество сведений сохранили и авторы более позднего времени, из которых важнейшими являются писатели II в. н.э. – Плутарх, в последние годы своей жизни исполнявший обязанности жреца в Дельфах, и ученый путешественник Павсаний, труд которого содержит подробный рассказ о святилище Аполлона.

Этот богатый, пусть и разрозненный материал неоднократно использовался и анализировался в исследованиях о Дельфах. Прежде всего укажем на труды обобщающего характера. Из наиболее значимых работ последних десятилетий, посвященных описанию священного участка Аполлона в Дельфах и его памятников с учетом новейших археологических материалов и их интерпретации, следует назвать «Путеводитель по Дельфам» (1991), составленный французскими учеными, и работу немецкого исследователя М. Мааса «Античные Дельфы. Оракул, сокровища и памятники» (1993)².

Один из самых очевидных подходов к анализу этого разнообразного материала, который используется и в этих трудах, и в работах по отдельным аспектам дельфийской тематики – его систематизация по различным основаниям: формам художественного воплощения (здания сокровищниц, скульптура, мелкая пластика и др.), материалу (из наиболее ценных материалов дарители отдавали предпочтение золоту, серебру и мрамору), а также назначению, тематике, содержанию, хронологии, географии посвятителей, местоположению на территории священного участка и т.д. В качестве наиболее типичных и значимых священных даров в Дельфы исторического времени выделяются статуи. Сам владыка святилища и оракула в Пифо – Аполлон – был представлен во множестве таких посвящений, впечатляли посетивших Дельфы изображения других персонажей греческого пантеона – Зевса, Лето, Афины, Артемиды, Геракла, а кроме того, знаменитых военачальников и победителей на Пифийских состязаниях. В Дельфах демонстрировали также пластические изображения животных (львов, волков, быков и др.). Важнейшую часть составляли посвящения в честь одержанных побед (например, захваченное оружие врага). В качестве древнейших даров называются предметы культа (треножки, различные чаши и котлы), которые сохраняли свою значимость в качестве даров и в позднейшие времена. Особым видом посвящений Пифийскому богу были сокровищницы различных греческих общин на территории священного участка.

На основании описаний и традиционных интерпретаций материала о посвящениях в Дельфы было сделано много важных наблюдений, особенно в отношении наиболее ранних и спорных страниц дельфийской истории. Например, именно множество votивных изображений женского божества (многочисленные терракотовые фигурки микенского времени) заставляет исследователей сделать вывод о том, что первоначально в Дельфах поклонялись женскому божеству³. Характер и частота посвящений в крупнейшие святилища эллинов – Олимпию и Дельфы – на заре архаической эпохи дают возможность в сравнении оценить интенсивность и особенности культовой деятельности в этих святы-

² Guide de Delphes: Le site / Ed. J.-F. Bommelaer, D. Laroche. P., 1991; Guide de Delphes: Le musée / Ed. O. Picard. P., 1991; Maass M. Das antike Delphi. Orakel, Schätze und Monumente. Darmstadt, 1993. Из работ отечественных исследователей см. Соколов Г.И. Дельфы. М., 1972.

³ Maass. Das antike Delphi... S. 126; Guide de Delphes: Le musée. P. 10 ss.

лицах после ее упадка и почти замирания в эпоху Темных веков: в Олимпии этот процесс активизировался раньше, но в Дельфах проходил интенсивнее⁴.

В качестве еще одного примера приведем исследование вопроса о связях Дельфийского святилища и росте его авторитета в Элладе и за ее пределами в архаический и раннеклассический периоды. Как следует из литературной традиции и археологических материалов, приношения в Дельфы приходили не только из различных частей греческого мира, но и из других областей, порой довольно отдаленных (самые известные по ценности и масштабам – уже упомянутые приношения лидийского правителя Креза). Конечно, сведения об этих посвящениях широко использовались при изучении вопроса об отношении Дельф с зарубежными правителями, прежде всего лидийскими царями, и в предшествующие десятилетия⁵. Однако в новейшей статье Ф. Каплана именно этот материал положен в основу исследования данной проблемы, о чем свидетельствует и название работы – «Посвящения в греческие святилища иноземных царей в VIII–VI вв. до н.э.»⁶. Последовательный анализ посвящений фригийских, лидийских, египетских и персидских правителей становится для исследователя основой восстанавливаемого им сложного комплекса связей между греческими святилищами и ближневосточными владыками. Кроме того, как в случае с Крезом, описание у Геродота именно посвящений лидийского царя и ссылки на эти посвящения в современных и более поздних поэтических и исторических текстах, по мнению Ф. Каплана, заставляют оставить всякие сомнения в историчности рассказа о Крезе. Очевидно, исследователь имеет в виду подробность и тщательность Геродота в описании посвящений, ведь древнегреческий историк не только указывает вес и размеры предметов, их первоначальное расположение, но и сообщает о дальнейшей судьбе посвящений, о конкретном ущербе, нанесенном им пожаром 548/7 г. до н.э., их перемещениях, а также о том, как они были расположены на священном участке в его время.

Возвращаясь к характеристике важнейших направлений в изучении темы дельфийских посвящений, укажем, что постоянным также является интерес к этой теме в ее искусствоведческом аспекте, так как большинство священных даров в Дельфы являются значимой частью художественной традиции древних, уникальными произведениями искусства.

Однако подробнее мы бы хотели основиться на намеченных и разработанных в последние годы новых подходах к исследованию этого материала, подходах, которые строятся на основе междисциплинарных исследований и связаны с социологическими штудиями и культурной антропологией⁷. Любопытными для нашей темы являются результаты обращения к более общей проблеме обмена

⁴ *Morgan C.* *Athletes and Oracles: the Transformation of Olympia and Delphi in the Eight Century B.C.* Cambr., 1990. P. 45 ff., 106, 137 ff.; *Maass.* *Das antike Delphi...* S. 126.

⁵ *White M.E.* *Herodotus' Starting-Point* // *Phoenix*. 1969. XXIII. P. 39–48; *Heuss A.* *Motive von Herodots lydischem Logos* // *Hermes*. 1973. CI. S. 385–419; *Parke H.W.* *Croesus and Delphi* // *GRBS*. 1984. XXV. P. 209–232; *Burkert W.* *Das Ende des Kroisos: Vorstufen einer herodoteischen Geschichtserzählung* // *Catalepton. Festschrift für Bernard Wyss zum 80. Geburtstag* / Hrsg. von Chr. Schaublin. Basel, 1985. S. 4–15; *Flower H.I.* *Herodotus and Delphic Traditions about Croesus* // *Georgica. Greek Studies in Honor of George Cawkwell* / Ed. M.A. Flower, M. Toher. L., 1991. P. 57–77.

⁶ *Kaplan Ph.* *Dedications to Greek Sanctuaries by Foreign Kings in the Eighth through Sixth Centuries BC* // *Historia*. 2006. 55. 2. S. 131–152.

⁷ См., например: *Godelier M.* *Das Rätsel der Gabe. Geld, Geschenke, heilige Objekte*. München, 1999; *Jaquemin A.* *Offrandes monumentales à Delphes*. Athènes–Paris, 1999; *Rosenberger V.* *Griechische Orakel: eine Kulturgeschichte*. Darmstadt, 2001, и др.

дарами в античном обществе, который трактуется как механизм социальной интеграции и создание системы отношений, посредством которой устанавливался и обеспечивался социальный мир и спокойствие⁸. Этот подход, по мнению Ф. Розенбергера, *mutatis mutandis*, вполне приложим и к священным дарам, которые являлись важнейшим регулятором отношений человека с миром богов⁹: посвяtitель (как индивидуум, так и община в целом) с помощью даров выражает божеству (в нашем случае – Аполлону) свое почтение, а эти дары, в свою очередь, должны обеспечить посвяtitелю благоприятное прорицание. Таким образом, именно в посвящениях, как подчеркивают исследователи, ярче всего проявляется принцип античной религии: тот, кто делает подарок, ожидает поддержки бога и его оракула, и чем больше подарок, тем на большую благосклонность можно рассчитывать, подобным же образом выражается и благодарность богам за поддержку. Добавим, что особенно ярко в этом качестве священные дары выступают в ситуации посвящений эллинов в общегреческие святилища после особенно значимых военных побед. Упомянем в этой связи лишь богатые приношения греков в Дельфы после решающих побед в Греко-персидских войнах.

Справедливо в этом контексте современные исследователи указывают на сохранные литературной традицией рассуждения о сути и назначении посвящений самих античных авторов, в частности, на то значение, которое придавал посвящениям в Дельфы один из самых главных авторитетов античной эпохи в этом вопросе – Плутарх. Этот писатель, живший в эпоху ранней Империи, в одном из своих Пифийских трактатов рассуждает о смысле и значении посвящений и подчеркивает, что божественный покровитель Дельф – Аполлон – сам незримо присутствует в каждом изделии из камня и бронзы, выставленном для его прославления в знаменитом святилище (Plut. De Pyth. or. 8, 398a–b). То есть, по сути, античный писатель понимает священные дары в качестве своеобразных «посредников» в осуществлявшемся в Дельфах общении пришедших сюда паломников с божеством (то, что современная социология называет *Medien*). В заключение этого сюжета укажем также, что вопрос об этой, «посреднической», функции посвящений тесно связан с более общей проблемой коммуникации в древнегреческом обществе, которая активно разрабатывается в социологических штудиях последних десятилетий¹⁰.

В исследованиях, авторы которых используют подходы культурной антропологии (M. Godelier, V. Rosenberger), подчеркнем указание на амбивалентную природу даров в святилище: вещь, отправленная в качестве священного дара, в то же время до известной степени по-прежнему сохраняет связь с посвяtitелем¹¹. Чаще всего материализация этой связи осуществлялась, по справедливому мнению новейших авторов, посредством фиксации имени дарителя (для приношений обычно использовалась формула: «такой-то посвятил это такому-то богу»). В этом отношении особенно говорящими являются известные нам из ан-

⁸ См. подробнее: *Wagner-Hasel B.* Wissenschaftsmythen und Antike. Zur Funktion von Gegenbildern der Moderne am Beispiel der Gabentauschdebatte // *Mythen Mächte – Mythen als Argument* / Hrsg. von A. Völker-Rasor, W. Schmale. B., 1998. S. 33–64; ср. *Mitchel L.G.* Greeks Bearing Gifts. Cambr., 1997; *Brandt H.* Pythia, Apollon und die älteren griechischen Tyrannen // *Chiron*. 1998. 28. S. 194.

⁹ *Rosenberger.* Griechische Orakel... S. 155.

¹⁰ См., например: *Куле К.* СМИ в древней Греции. Сочинения, речи, разыскания, путешествия... М., 2004.

¹¹ *Godelier.* Das Rätsel der Gabe...; *Rosenberger.* Griechische Orakel... S. 155.

тичной традиции случаи, когда посвящения намеренно приписывались другим лицам. Чтобы показать возможности использования подобной информации, связанной с посвящениями, позволим себе более подробный комментарий некоторых наиболее любопытных случаев, разбираемых исследователями. Из сообщения Геродота (I. 51) широко известен пример с золотой чашей. Перечисляя разнообразные посвящения, отправленные в Дельфы царем Лидии Крезом, он упоминает среди прочего две кропильницы – золотую и серебряную, которые, на его взгляд, безусловно, принадлежали к подаркам лидийского правителя. Однако на золотой кропильнице находилась надпись, которая называла ее посвящением лакедемонян. Геродот считает эту надпись очевидной подделкой, сообщая, что надпись вырезал какой-то дельфиец. Историку даже известно имя этого дельфийца, но Геродот, по его собственному заявлению, не желает называть его, осуждая на забвение автора фальшивки¹².

У Геродота мы находим еще один пример изменения посвячительной надписи, который был, судя по всему, хорошо известен всему эллинскому миру. В этом случае речь идет не о фальсификации, а скорее, о восстановлении справедливости. Дельфийскому Аполлону в соответствии с распространенной практикой была посвящена десятая часть добычи после важнейшего сражения Греко-персидских войн – битвы при Платеях 479 г. до н.э. На средства из этой десятины был сделан и посвящен Аполлону золотой треножник, который, как сообщают античные авторы, стоял в Дельфах на трехглавой медной змее непосредственно у алтаря (Herod. IX. 81. 1; Paus. X. 13. 9)¹³. На этом треножнике была сделана скандально знаменитая надпись спартанского военачальника Павсания, взамен которой лакедемоняне вырезали имена всех городов, воздвигнувших этот жертвенный дар после общей победы над Варваром¹⁴. Этот список¹⁵, так же как и перечень на олимпийской статуе Зевса и, возможно, также на памятнике Посейдону Истмийскому, должен был еще раз символизировать единство эллинов.

Итак, надпись должна была обеспечить посвястителю известность и даже своего рода бессмертие, увековечить его имя в памяти потомков, но уже в античности мы встречаем неоднократные примеры изменения имени дарителя, и делалось это, прежде всего, по политическим основаниям. В уже упомянутом пассаже Геродота о золотой чаше фальсификатор сделал это, «желая угодить лакедемонянам» (I. 51). По-видимому, эту надпись следует датировать серединой V в. до н.э. – временем Второй священной войны (449–447 гг. до н.э.), и она, может быть, лучше, чем все сообщения о военных предприятиях, которые велись вокруг Дельф, свидетельствует о дружественных отношениях, связывавших Спарту с Дельфами и тамошним жречеством, о проспартанских настроениях в Дельфах.

¹² Возможно, что Геродот умалчивает об этом и для того, чтобы не скомпрометировать автора фальсификации; см. подробнее Кулишова О.В. Дельфийский оракул в системе античных межгосударственных отношений (VII–V вв. до н.э.). СПб., 2001. С. 314.

¹³ Об этом см. Gauer W. Weihgeschenke aus den Perserkriegen. Tübingen, 1968. S. 74 ff.; Amandry P. Trépieds de Delphes et du Péloponnèse // BCH. 1987. CXI. P. 102–115; Laroche D. Nouvelles observations sur l'offrande de Platées // BCH. 1989. CXIII. P. 183–198; Maass. Das antike Delphi... S. 189 f.

¹⁴ Thuc. I. 132. 3; cp.: Ps.-Dem. 59. 97 sq.; Plut. De malign. Herod. p. 873 c; Paus. III. 8. 2.

¹⁵ Bengtson. SVA II. № 130; ML. № 27; cp. Herod. VIII. 82; Thuc. I. 132. 3; Diod. XI. 33.

Зависимость текста посвяtitельной надписи от политической ситуации демонстрирует и другой пример, связанный с сооружением самой ранней сокровищницы в Дельфах. Плутарх сообщает, что коринфский тиран Кипсел воздвиг здание сокровищницы, на котором было начертано его имя. После свержения ненавистной тирании наследников Кипсела коринфяне обратились в Дельфы с вопросом: можно ли им стереть имя Кипсела и заменить его именем общины, и, получив согласие, исполнили это (Plut. De Pyth. or. 13, 400 e). Отметим также любопытное продолжение этой истории. В то время как дельфийцы пошли навстречу желанию коринфской общины, элейцы, контролировавшие святилище Зевса в Олимпии, не пожелали удовлетворить подобную же просьбу коринфян, и последние из-за этой обиды не стали с этого времени принимать участие в Олимпийских играх.

В связи с последним примером становится очевидно, что значение сокровищницы той или иной общины не ограничивалось лишь функцией хранения ценных подношений Аполлону, хотя эта роль, которую в современном мире играют банки, и составляет важный экономический аспект исследуемой темы. Случай с Кипселем говорит о том, что сокровищницы, как и другие монументальные посвящения, имели прежде всего «представительские функции», не только являясь хранилищем посвящаемых ценностей и прославляя богатством приношений ту или иную общину, но и выступая воплощением самосознания граждан, важным средством самоидентификации греческих общин.

Отметим, что иноземные правители и государства не имели в Дельфах подобного представительства – их пожертвования хранились в сокровищницах греческих общин. Первым из таких посвяtitелей Геродот (I. 14) называет царя Фригии Мидаса I, сына Горгия I, принесшего в дар святилищу свой трон, восседа на котором он творил суд. Здесь же «отец истории» поясняет, что этот трон в его время находился в сокровищнице коринфян. По свидетельству Геродота, подношения Аполлону Пифийскому правителей Лидии из династии Мермнадов (Гигеса и Креза) также хранились в сокровищнице коринфян (I. 14. 2; 51). Геродот также рассказывает, что дары Креза¹⁶ обрели известное ему местоположение лишь после печально знаменитого пожара 548/7 г. до н.э. Г. Парк высказывает предположение, что в это же время в сокровищницу коринфян были перенесены и посвящения Гигеса¹⁷. Сам Геродот ничего об этом не говорит. Возможно, дары Гигеса (так называемые Гигады – шесть золотых кратеров) находились там если не с самого момента их посвящения (оно, вероятно, относится к первой трети VII в.), то с довольно раннего времени, ведь сооружение коринфской сокровищницы датируется, как уже упоминалось, серединой VII в. до н.э. – временем Кипсела.

По мнению Г. Парка, выбор сокровищницы коринфян в данном случае диктовался лишь практической необходимостью поместить уцелевшие после пожара ценные посвящения в ближайшее, относительно безопасное место. Однако для целого ряда других исследователей то, что коринфяне, по выражению Павсания, в своей сокровищнице «держали... золото из Лидии» (X. 13. 5), позволяет сделать вполне обоснованное, на наш взгляд, предположение об особых отношениях правителей Лидийской державы с Коринфом. Важно также отметить, что лидийские цари, будучи чужеземцами, нуждались в посредничестве при обращении к греческому оракулу. По мнению С.М. Жестоканова, такими посред-

¹⁶ Описание этих посвящений см. *Herod.* I. 50–52.1; 92; ср. *Diod.* XVI. 56. 6; *Plut.* De def. or. 1. 401 e; *Paus.* X. 13. 5.

¹⁷ *Parke H.W.* Croesus and Delphi // *GRBS.* 1984. XXV. P. 210. Ср. *Crahay R.* La littérature oraculaire chez Hérodote. P., 1936. P. 206.

никами для них были именно Кипселиды¹⁸. Действительно, хотя официальными представителями вопрошавших перед Дельфийским богом и их проксенами обычно были дельфийцы, однако это вполне допускает и некоторую посредническую роль коринфской знати (ср., например, указание Геродота о помощи лидийскому посольству афинянина Алкмеона – VI. 125). Мы подробно остановились на разборе данного сюжета, так как он особенно ярко демонстрирует возможности сохранившихся свидетельств о посвящениях в Дельфы в качестве материала для восстановления и уточнения истории Дельфийского святилища, в частности его связей и роста его авторитета как в греческом мире, так и за его пределами. Кроме того, передаваемые античными авторами сведения о сокровищнице коринфян вполне отчетливо показывают основания и возможности рассматривать сокровищницы как средства пропаганды и прославления богатства и могущества.

Уже сами античные авторы отмечали эту возможность использования сокровищниц в пропагандистских целях. Так, Павсаний говорит о сокровищнице кнidian: «...я не знаю, построили ли они свою сокровищницу в память какой-нибудь победы, или просто, чтобы показать свое богатство» (X. 11. 5; пер. С.П. Кондратьева). С течением времени красота и пышность сокровищниц все возрастали, прежде всего посредством новых богатых посвящений, которые получают все более разнообразные значения в коммуникативном процессе. Дельфы постепенно превратились в своеобразную арену для состязания греческих общин в их претензиях на общэллинскую славу; оракул становится отражением политической ситуации в Элладе, по образному выражению Ф. Розенбергера, своего рода сейсмографом потрясений в греческом мире¹⁹. Пропагандистские функции сокровищниц, их участие в политике, прежде всего в политической пропаганде, особенно ярко проявятся в период расцвета полисного мира греков, в V в. до н.э., между Греко-персидскими и Пелопоннесской войнами, когда речь может идти о настоящей «войне сокровищниц».

Эту особенность Дельф демонстрируют события накануне и в ходе первой Пелопоннесской войны. В частности, весьма показательна история с надписями, сделанными поочередно лакедемонянами и афинянами на железной статуе волка, которая была приношением Аполлона от дельфийцев (Paus. X. 14. 7; Syll.³ 59 a, b). Рассказывая о событиях Второй священной войны, Фукидид повествует о том, как лакедемоняне, изгнав фокидян, заняли святилище и передали его дельфийцам (I. 112. 5). Согласно сообщению Плутарха (Per. 21), спартанцы получили в награду за освобождение Дельф *προμαντεία*, т.е. право вопрошать оракул вне очереди. Текст этого постановления лакедемоняне поместили на лбу железного волка, который был приношением Аполлону от дельфийцев (храмовую легенду о нем пересказал Павсаний – X. 14. 7). Фукидид сообщает, что после ухода лакедемонян афиняне пришли с войском и, захватив святилище, возвратили его под контроль фокидян (I. 112. 5). Не осталось без ответа со стороны Афин и получение спартанцами от дельфийцев *προμαντεία*. Перикл добился такого же преимущества для афинян и начертал соответствующую надпись на правом боку того же волка (Syll.³ 59 a, b). Объясняя факт получения *προμαντεία* и Спартой, и Афинами, можно предположить, что Дельфы к этому времени, ве-

¹⁸ Жестоканов С.М. Внутренняя политика Кипселидов при Периандре // Античный полис. Проблемы социально-политической организации и идеологии античного общества / Под ред. Э.Д. Фролова. СПб., 1995. С. 49–50.

¹⁹ Rosenberger. Griechische Orakel... S. 157.

роятно, были – как все греческие полисы – расколоты на две партии: пролакедемонскую и проафинскую, последняя и могла даровать афинянам это почетное право. Таким образом, посвящения, выставленные в Дельфийском святилище, оказываются своеобразным отражением политической ситуации в Элладе и специфическим источником по ее изучению. Анализ посвящений свидетельствует, что в Дельфах, которые являлись не только географическим, но и сакральным центром греческого мира (именно там эллины помещали «пуп земли» – омфал), пересекались, кроме того, самые различные политические интересы, что указывает на значимое место этого святилища в политической жизни Эллады.

Наконец, укажем на еще одно наблюдение исследователей, которое связано с посвящением в Дельфы особенно многочисленных изображений мифологических персонажей (см., например, Paus. X. 9). Выставляемые персонажи – боги, общегреческие и местные герои – должны были демонстрировать славу определенного полиса. Анализ персонажей, а также порядка размещения памятников дает возможность современным авторам заключить, что здесь несомненно присутствует стремление связать эту «презентацию» для греческой общности местных мифологических приоритетов с общими для эллинов мифологическими представлениями (например, путем включения троянского круга персонажей). Таким образом, заключает Ф. Розенбергер, в Дельфах визуализировались общие мифы греков и существо их культурной традиции²⁰.

В заключение еще раз подчеркнем, что многообразие подходов к изучению приношений в общегреческие святилища определяется, как нам представляется, прежде всего самим материалом. Различные типы источников, их разнообразный характер, обилие, а вместе с тем и фрагментарность в этом случае, пожалуй, как ни в каком другом требуют сложного сочетания различных методов, которые в значительной степени обогатились усилиями ученых в последние десятилетия. При этом комплексное использование применявшихся ранее и новейших подходов при рассмотрении темы священных даров в Дельфы позволяет как подтвердить выводы, сделанные традиционными историческими исследованиями, так и увидеть новые аспекты в механизмах функционирования и общегреческих святилищ, и античного общества в целом.

OFFERINGS TO DELPHI: MODERN INTERPETATIONS OF THE MEANING OF DEDICATIONS

O. V. Kulishova

The author reviews modern attitudes to the study of offerings to the greatest Greek sanctuary of Apollo in Delphi. She points out the interdisciplinary character of the studies and the role of sociological and anthropological approaches to the material in question. In this context exchange of gifts is considered as a mechanism of social integration and offerings are regarded as a kind of «intermediaries» in the communication between men and gods (seen from the point of view of communication in the ancient Greek world); the nature of the gift is ambivalent, the treasuries of common Greek sanctuaries are not just depositories of valuable offerings, but also a means of self-identification of Greek communities, etc. Analysing some of the modern studies (by M. Godelier, A. Jaquemin, V. Rosenberger and others), the author lists some examples of offerings to Delphi, mainly in the archaic and early classic periods, which allow to reconsider relevant written sources and archaeological material from a new point of view (the Corinthian treasury, offerings of Croesus and of other foreign kings, etc.).

²⁰ *Rosenberger. Griechische Orakel...* S. 159.